

Б. Ф. КОЛЫМАГИН¹

СВОЕОБРАЗИЕ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РУССКОЙ АНДЕГРАУНДНОЙ ПОЭЗИИ 1960–1980 гг.

В статье на многих примерах показано своеобразие развития русской религиозной поэзии и динамика её проблематики в отечественном андеграунде 1960–1980-х годов. Делается вывод, что на творческом пространстве культурного подполья естественным образом встретились горизонтальные и вертикальные устремления человека, так преодолевающего политические и гражданские стеснения, причём поэтические результаты этого процесса имеют не зависящую от общественной конъюнктуры ценность.

Ключевые слова: андеграунд, самиздат, русская религиозная поэзия, православие, традиционные ценности, авангард, визионерство, Дмитрий Авалиани, Игорь Холин.

С 1960-х годов в Советском Союзе стала заявлять о себе религиозная поэзия. Запрещённая в публичном пространстве, она появилась в сам- и тамиздатских журналах и альманахах, на кухонных посиделках и полулегальных поэтических вечерах. Проблемы, связанные с крахом коммунистической идеологии, подтолкнули многих поэтов, музыкантов, художников к поиску духовных основ жизни.

В период оттепели кризис особенно не ощущался. Однако именно в это время возникает значительное число авторов, осваивающих духовный пласт бытия, — Бродский, Аронзон, Сапгир, Сабуров, Авалиани... Видимо, из всех деятелей культуры поэты оказались самыми чуткими к тектоническим сдвигам, происходящим в глубинах социума. Именно с 1960-х годов, а не с 1970-х, как делают это некоторые исследователи [10, 1], можно говорить о возрождении духовного течения в современной русской поэзии.

Интересно, что большинство поэтов ориентировались на православную доминанту. Хотя были и авторы, продвигавшие ценности других религий. Например, М. Генделев связывал перспективы своего духовного роста с иудаизмом. М. Файнерман наряду с христианством интересовался дзен-буддизмом. А. Миронов, Е. Шварц, И. Бурихин, Е. Пазухин активно эксплуатировали

¹ Борис Фёдорович Колымагин — культуролог, историк религии; независимый исследователь (Москва, Российская Федерация); kolymagin1@yandex.ru

сектантские мотивы. В. Кривулин предпочитал синкретическую духовность, в которой слились христианские, восточные и языческие интуиции. Характеризуя духовные поиски андеграунда, поэт говорил о нерасчленённо-синкретической религиозности, об атмосфере спиритуальной авантюры, пронизывающей быт, об интересе к антропософии и теософии, реанимировавшие вкус к обобщённо-символическому восприятию явлений повседневной реальности [см.: 11]. И всё-таки среди этого духовного многообразия именно православие оказалось в фокусе внимания культурного подполья; именно из него вырастают, к нему тянутся многие тексты «второй культуры».

Православие неотделимо от традиции. Это вроде как аксиома. Поэтому можно согласиться с мнением Сергея Стратановского, который говорит о феномене религиозной поэзии в контексте традиционных ценностей [16]. Но необходимо сделать некоторые уточнения.

Традиция применительно к духовным стихам играет важную роль в сфере мировосприятия и «вертикальных интуиций». В сфере же поэтики она не существенна, зависит от художественных удач или неудач. И вовсе не случаен тот факт, что во «второй культуре» религиозные мотивы часто возникают в контексте воскрешения практики авангардной поэзии. Чему есть масса примеров.

Так, ориентировано на актуализацию онтологии творчество Геннадия Айги. У него нет специальных стихотворений на теологические темы, но вся его поэтическая походка отсылает нас к философии всеединства Владимира Соловьёва. Поэт погружается в мир в его целостности. И в то же время воспринимает каждый предмет, каждое специфическое пространство как особую духовную реальность, связанную со всем космосом. Он демонстрирует новую предметность, противопоставляя её вербализму и фальшивой эмоциональности. Это видно на примере стихотворения «Возникновение храма» [3]. Церковь появляется из золота и напряжения в пространстве одиноко стоящего слова и игры шрифтов: «вдоль — напряжение! / и / твёрдостью светлости / ВВЫСЬ». Так духовность Айги оказывается завязанной на формальные вещи: белом листе бумаги, синтаксисе, молчании.

Библейскую проблематику активно разрабатывает в палиндромах, анаграммах и листовертнях Дмитрий Авалиани. Например, в равнобуквице «о христос о знание / охристо сознание» минимальное изменение сцепления слов приводит к смысловым подвижкам [1]. Первая строчка, в которой звучит обращение к Христу и знанию, перетекает во вторую, где речь уже идёт о сознании обратившегося к Нему человека. Из этих изменений не следуют какие-то глубокие богословские вещи. Но они наглядно показывают, что работа с языком имеет онтологические корни.

Есть у Авалиани и размышления, связанные с трудностью богословского дискурса: «Нет ценности в словах / Однако слово — Бог / но так заболтан стих / что голос мой затих / Лишь О одно как облако стоит / как озеро глядит / меж ними Я как яблоко висит» [2]. Наше отношение с Богом, как уверяет Авалиани, зависит от состояния языка, от его способности выражать глубину.

Стихи Игоря Холина «Свет / Свет / Свет / Свет / Свет / Свет / Свят» выводят нас в пространство мистики и визионерства [18, 194]. Также у поэта встречается русифицированный фрагмент молитвы «Отче наш» [18, 232]. Мы видим вариацию на тему конкрет-поэзии, образец молитвы, понимае-

мой как факт, как некий сакральный, бытийный предмет, не нуждающийся в контексте, в разговорах вокруг да около.

Не случайно и то, что одной из основных черт «барачной жизни» остаётся у Холина отсутствие света: «Пролетело лето, / наступила осень. / Нет в бараке света. / Спать ложимся в восемь. / Пролетела осень, / наступило лето. / Спать ложимся в восемь, — / нет в бараке света» [18, 22]. Экзистенциальная стужённость тьмы не даёт читателю даже задаться вопросом: почему в долгие летние дни света по-прежнему не хватает? Барачный эпос, таким образом, дополняется у Холина метафизикой.

Не отказывается от другого измерения и последователь «лианозовцев» Иван Ахметьев. Проблему выхода в небеса поэт решает с опорой на минимализм и точное слово: «для Бога / нас немного» [6, 64]. В его стихах мы встречаем церковнославянские слова, упоминания храмов, обрядов и праздников в контексте жизни горожанина: «вот и Пасха / прошла / мимо церкви / проезжаю / те же кресты / кругом ея / тот же автобус / тот же я» [6, 42].

Александр Величанский формирует оригинальную звуко-смысловую поэтику, чуждую «лирического захлёба». Используя парадоксы и словесную игру, он создаёт удивительные миниатюры, в которых звучит весть о Рае и о предназначении человека. Поэт знает «Божий миг», который может уместиться в спичечном коробке или стать таким огромным, что «как камушек в реке, / мир исчезнет в нём» [7].

Не весь, конечно, авангард стал вдруг чувствителен к духовной сфере: многие её не замечали. Да и из тех, кто замечал, относились к религии настороженно. Тот же Ахметьев пишет ехидно: «Бог простит / Бог отмстит» [6, 28]. Слышна приглушённая ирония и в стихотворной инсталляции молитвы Всеволода Некрасова: «Господи / Помоги / Господи / Погоди / Господи / Не приведи / Господи / Не оправдать / Господи / Твоё» [13, 363]. Тем не менее, именно авангардизму религиозная поэзия обязана рядом интересных текстов. Движение в контексте «возвращения к истокам» (во многом, конечно, противоречивое, поскольку одни авторы «возвращались» к поэтическим практикам авангарда, другие занимались реставрацией эпохи символизма, третьих увлекла смена мировоззренческой парадигмы) снимало многие противоречия, обеспечивало единый поток религиозной поэзии «второй культуры».

Поэтому, на мой взгляд, ошибочно было бы вслед за Ольгой Седаковой сводить ориентированную на духовную вертикаль литературу к постсимволизму и постакмеизму [15]. Как справедливо говорит Вл. Кулаков: «Постфутуро-обериутская и постсимволически-акмеистская линии современной поэзии тесно связаны единой постмодернистской ситуацией, представляя, по сути, две стороны одной медали “бронзового века” (как футуризм и акмеизм — две стороны “серебряного”)» [12, 24].

Не будем забывать и о специфической роли религии в андеграунде. Субъект культурного подполья складывался через практики освобождения, в число которых входил религиозный опыт. Это не значит, что сам опыт непременно отражался в стихах. Однако определённый стиль жизни — асоциальное поведение и религиозность — в известном смысле собирали личность поэта андеграунда. Эскапистская стратегия игнорирования советского абсурда путём приобщения к духовности выглядела совершенно естественной.

Но было одно «но»: религиозная поэзия не искала точку роста в сторону полного воцерковления. Буквально считанные единицы вошли в Церковь. Многие поэты застыли у порога, «мигали»: они то входили, то выходили, то снова входили в церковную ограду. И всё-таки, несмотря на такое маятниковое движение, написали немало духовных произведений.

Религия несла воздух неполитизированной свободы. Чего нельзя было сказать о религиозных институциях. Однако разрыв между православием и гонимой Русской Православной Церковью не носил характер катастрофы. «Товарищ поп» Блока в андеграунде превратился, как у Е. Шварц, в тёмного священника. И только. Кому-то это, как Д. Бобышеву, не нравилось, кому-то нравилось. Но факт остаётся фактом: поэты подполья формировали такое отношение к вере, которое связано с индивидуальными практиками в ущерб традиции.

Андеграунд являет нам интересный ансамбль движений, соотнесённых с первоопытом веры. И в этом смысле он отличается и от дореволюционной религиозной поэзии, которая часто была погружена в обряд, и с поэзией постсоветской, тоже бросившейся навстречу надёжно ритуализированному культу.

Под первоопытом здесь понимается встреча человека с горним на интуитивном уровне. Эту интуицию в разных социокультурных ситуациях можно повернуть в сторону ислама, иудаизма, буддизма и т. д. В данном случае этот опыт был развёрнут в сторону христианства.

Главной религиозной интуицией «второй культуры» можно, пожалуй, считать откровение о Царстве Небесном. Мы видим её реализацию в творчестве Л. Аронсона, А. Волохонского, А. Величанского и других поэтов.

Возьмём, в качестве примера, текст Аронсона «Послание в лечебницу» [5], в котором он обращается к любимой то ли из сна, то ли из творческих грёз. Поэт оказывается среди высокой травы у ручья. И видит в зеркалах «спокойных небыстрых небес голубые озёра». «Мы здесь пролежим», — мечтает герой, — и «сквозь меня прорастёт, ты слышишь, трава». Аронзон говорит о пространстве души, «на котором холмы и озёра, вот кони бегут, и кончается лес, и, роняя цветы, ты идёшь вдоль ручья по сырому песку». Поэт устремляется в сторону преображённой (но не мифологизированной) природы со всей страстью своей души. Здесь, в царстве не искажённого грехом мира он встречает и красоту, и чистоту человеческих отношений, очищенную от шелухи социальности. Именно здесь обретается подлинная любовь: «ты идёшь вдоль воды и роняешь цветы, смотришь радужных рыб, / и срывается с нотных листов от руки мной набросанный дождь, / ты рисуешь ручей, вдоль которого после идёшь и идёшь».

У Аронсона есть несколько визионерских текстов, где изображается жизнь после жизни. Например, в стихотворении «Напротив низкого заката» (1967) он рассказывает о том, что «увидел небеса»: «клубясь, клубились облака, / светлела звёздная река». И ангел нёс чью-то душу. Чью? Поэт не знает, поскольку не получил ответа: «Глазами я догнал гонца, / но чрез крыло кивнув мне ликом, / он скрылся в тёмном и великом» [4, 540].

Другой важной интуицией (и соответственно движением первоверы) стало видение человека в его сакральном измерении. Юродивые, блаженные, праведники вошли в советский поэтический космос благодаря произведени-

ям В. Блаженного, С. Аверинцева, Д. Бобышева и других авторов. Вот как, например, примеривает на себя одежду «Христа ради блаженного» Сергей Стратановский.

В двухчастном стихотворении «Скоморошьи стихи», впервые опубликованном в журнале «37» и перепечатанном затем в «Вестнике РСХД», автор спрашивает Гороха, Скомороха, Обезьяныча: «Почему обезумевший за ночь / Я пришёл за наукой к тебе?». Впрочем, ответ звучит уже в задаваемых вопросах: «я живой, но из жизни изъятый...». И, чтобы снова почувствовать вкус жизни, поэт решает стать учеником «мужичка в обезьяньей избе»: «Скоморошить? Давай скоморошить / В речке воду рубить топором / И седлать бестелесную лошадь / С человеческим горьким лицом. / За избёнкой — дорога кривая / Ночь беззвёздна. Не сыщешь пути. / И квасок с мужичком попивая / Сладко жить в обезьяньей шерсти» [17, 303].

Антропологический поворот актуализировал чувство личной ответственности поэта не перед партией и правительством, а перед Богом. Тема Декалога, нравственного выбора зазвучала в андеграунде вполне естественно. Так, Александр Величанский в стихотворении «Нет, не стать мне конформистом» обозначает своё неприятие официоза, своё негативное отношение к идеологии: «Мне не петь в народном хоре / лихо, разудало: / “Во Содоме, во Гоморре / девица гуляла...”» [9, 523].

В Законе Моисея поэта больше всего волнует заповедь «не убий». В стихотворении «Когда убили одного» [8, 523] Величанский исследует реакцию человека на насильственную смерть, поведенческие стереотипы. «Когда убили одного, все спрашивали: “кто? кого? / когда? с какою целью? / солдат ли? офицер ли?”». После убийства десяти лиц «все вслух позорили убийц, / запомнив благосклонно / убитых поимённо». Когда дело дошло до сотни, «никто не спрашивал имён — / ни жертв, ни убивавших, / а только — наших? ваших?». Когда же речь зашла о больших величинах, сознание просто отключилось: «Когда убили миллион, / все погрузились в смертный сон, / испытывая скуку, / поскольку сон был в руку».

Евгений Сабуров, осмысливая проблему мести, вводит её в религиозный контекст. В стихотворении «Не преследуй врагов» [14, page-1] он призывает человека не ставить себя на место Бога. «Не гонись за Божественной справедливостью», — говорит он. И напоминает, слегка улыбнувшись, что «есть на то надлежащие власть предержавшие силы, / и трапеции виселиц, и бичи, и костры». К тому же, рассуждает далее Сабуров, беды вовсе не привлекательны, в обиде нет ничего сладкого, и человек, оплативший обидой за обиду, не получит никакого удовольствия.

Произведение поэта подчёркнуто прозаично, стих движется на грани поэзии и нравоучительного трактата. И завершается текст утверждением, что после смерти «не останется неотомщённым никто и ничто». Чтобы как-то опозитизировать концовку, Сабуров добавляет толику перца, изображает в виде приправы мелких бесов, которые: «На счетах костяшками перестучат / и удовлетворённо заурчат».

Если брать положения Декалога, то для Сабурова наиболее актуальной была седьмая заповедь — «не прелюбы сотвори». В одном из текстов он заклинает самого себя: «Не приведи, Господь, опять / позариться на чьи-то чресла. / Мне даже тяжести небесной / хватило потом провонять» [14, page-3].

В контексте освоения темы юродства андеграунд, пусть и поверхностно, коснулся проблемы взаимоотношений этического и религиозного. Из истории святости мы знаем, что добро и зло есть в некоторых случаях явление ситуативное. Даже демоны могут спастись.

Об этом, как бы походя, говорит Е. Шварц: «У нас в монастыре / Крещёный черт живёт — / То псалтирь читает, / То цепь свою грызёт» [19, 50]. Интересно, что в постсоветское время эти строчки нашли своё продолжение в фильме-притче Николая Достая «Монах и бес».

Можно обозначить и другие интуиции первоверы. Но сейчас мы на них останавливаться не будем. Сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в культурном подполье встретились горизонтальные и вертикальные устремления человека. В результате появились любопытные стихотворения, в которых, по слову Георгия Адамовича, гуляет «метафизический сквознячок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авалиани Д.* Из неопубликованного. Равнобуквица // Новое литературное обозрение. 2004. № 69.
2. *Авалиани Д.* Словарик // Новый мир. 1994. № 12.
3. *Айги Г.* Стихи из книги «Поле-Россия» // Вестник РХД. 1982. № 1–2.
4. *Аронзон Л.* Напротив низкого заката // Самиздат века / Сост. А. И. Стреляный, Г. В. Сапгир, В. С. Бахтин, Н. Г. Ордынский. М.; Мн.: Полифакт, 1997.
5. *Аронзон Л.* Послание в лечебницу // Часы. 1977. № 7.
6. *Ахметьев И.* Миниатюры. Мюнхен: Sagner, 1990.
7. *Величанский А.* Из книги «Помолвка» // Православная община, 1991. № 4.
8. *Величанский А.* Когда убили одного... // Самиздат века / Сост. А. И. Стреляный, Г. В. Сапгир, В. С. Бахтин, Н. Г. Ордынский. М.; Мн.: Полифакт, 1997.
9. *Величанский А.* Нет, не стать мне конформистом // Самиздат века / Сост. А. И. Стреляный, Г. В. Сапгир, В. С. Бахтин, Н. Г. Ордынский. М.; Мн.: Полифакт, 1997.
10. *Котова Н. А.* Современная духовная поэзия: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
11. *Кривулин В.* Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. ст. / [Сост.: Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский]. СПб.: Деан, 2000. С. 99–109.
12. *Кулаков В. Г.* Неофициальная поэзия 1950–1980 гг.: история и поэтика: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
13. *Некрасов Вс.* Авторский самиздат (1961–1976). М.: Совпадение, 2013.
14. *Сабуров Е.* Незримое звено. Избранные стихотворения и поэмы. М.: Новое издательство, 2012. Код доступа: <http://iknigi.net/avtor-evgeniy-saburov/53601-nezrimoe-zveno-izbrannye-stihotvoreniya-i-poemy-evgeniy-saburov/read/page-1.html>; page-3.html
15. *Седакова О.* Музыка глухого времени // Вестник новой литературы. 1990. № 2. С. 257–265.
16. *Стратановский С.* Религиозные мотивы в современной русской поэзии. Статья 3 // Волга. 1993. № 6.
17. *Стратановский С.* Скоморошьи стихи // Вестник РСХД. 1977. № 2.
18. *Холин И.* Избранное. Стихи и поэмы. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
19. *Шварц Е.* Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания Сердца. Нью-Йорк: Ардис. 1987.